

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (47)084.2

Дата поступления: 11.02.2022
рецензирования: 23.03.2022
принятия: 28.05.2022

Мещанское сословие: опыт семиотического анализа

З.М. Кобозева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

Аннотация: В статье анализируется язык мещанских обращений во власть как семиотическая проблема. Культурно-семиотический подход к проблеме мещанской языковой картины мира предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих мещан. Чтобы анализировать картину мира мещанина, отраженную в его письме во власть, приходится учитывать много факторов, связанных с уровнем образования городской мещанской среды, воспитания, принятого в мещанских семьях, круга чтения, возможности получения информации о так называемой «высокой культуре», к которой имели доступ представители высшего сословия. В этом отношении значительную роль играет еще один семиотический фактор – мода. Мода подобна камню, брошенному в воду. Кто-то создает модный знак. И он подхватывается и распространяется в обществе. Романтизм как историко-художественный стиль оказывал воздействие не только на тексты поведения высшего российского привилегированного сословия. Дворяне же не находились в изолированном от остального общества положении. Их жизнь протекала и в русских городах. Эмоциональность эпохи романтизма постепенно, как круги на воде, становилась модой и для горожан. Их «жестокый романс», становясь неким текстом поведения, постепенно охватывал и эпистолярную культуру, следы которой очень трудно обнаружить в традиционных для историка источниках личного происхождения, но можно уловить в обращениях во власть. В статье анализируются культура этих обращений, жесты вежливости, некая надрывность и попытки стирания иерархических границ. Автор приходит к выводу о семииосфере города, находившейся в общей бинарной оппозиции русской культуры XIX столетия: между добром и злом, между властью и обществом.

Ключевые слова: методология; метод; история повседневности; мещанское сословие; семиотика, тексты поведения, дискурс, образование, картина мира, круг чтения, социокультурное пространство.

Цитирование. Кобозева З.М. Мещанское сословие: опыт семиотического анализа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 27–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-27-33>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кобозева З.М., 2022

Зоя Михайловна Кобозева – доктор исторических наук, профессор исторического факультета, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2022
Revised: 23.03.2022
Accepted: 28.05.2022

Petty-bourgeois estate: experience of semiotic analysis

Z.M. Kobozeva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

Abstract: The article analyzes the language of petty-bourgeois appeals to power as a semiotic problem. The cultural-semiotic approach to the problem of philistine linguistic picture of the world involves an appeal to the inner point of view of the philistines themselves. In order to analyze the picture of the world of a philistine reflected in his letter to the authorities, it is necessary to take into account many factors related to the level of education of the urban philistine environment, the upbringing adopted in philistine families, the reading circle, the possibility of obtaining information about the so-called «high culture», to which representatives of the upper class had access. In this regard, another semiotic factor plays a significant role: fashion. Fashion is like a stone thrown into water. Someone is creating a fashion sign. And it is picked up and spread in society. Romanticism, as a historical and artistic style, influenced not only the texts of behavior of the highest Russian privileged class. The nobles were not in an isolated position from the rest of society. Their life also took place in Russian cities. The emotionality of the romantic era gradually, like circles on the water, became fashionable for the townspeople. Their cruel romance, becoming a kind of text of behavior, gradually covered the epistolary culture, traces of which are very difficult to detect in the sources of personal origin traditional for the historian, but can be caught in appeals to the authorities. The article analyzes the culture of these appeals, gestures of politeness, a certain strain and attempts to erase hierarchical boundaries. The author comes to the conclusion about the semiosphere of the city, which

was in the general binary opposition of the Russian culture of the XIX century: between good and evil, between power and society.

Key words: methodology; method; history of everyday life; history of concepts; philistine class; semiotics; texts of behavior; discourse; education; worldview; reading circle; socio-cultural space.

Citation. Kobozeva Z.M. Petty-bourgeois estate: experience of semiotic analysis. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 27–33. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-27-33>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kobozeva Z.M., 2022

Zoya M. Kobozeva – Doctor of Historical Sciences, professor of the Faculty of History, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

История вторгается в жизнь. Историк призван адекватно реагировать на изменения окружающего мира. Методология всегда была и остается выразителем картины мира историка, маркером его не только профессиональных, но и человеческих качеств в этом меняющемся мире ценностей и приоритетов. Я всегда опиралась на утверждение Ю.М. Лотмана о том, что литература определяет тексты бытового поведения, «оправданием реалистического сюжета служит утверждение, что именно так ведут себя люди в действительности. Классицизм полагал, что по образцам искусства люди должны себя вести в идеальном мире. Романтизм предписывал читателю поведение, в том числе и бытовое» [Лотман 2020, с. 516]. Ю.М. Лотман выдвигал данное утверждение в отношении высшего российского сословия рубежа XVIII–XIX вв. Определенный текст прочитывается социумом, и на его основе возникают бытовые, повседневные, интерпретирующие этот литературный текст тексты поведения. Б.А. Успенский, в свою очередь, в статье «История и семиотика» утверждал, что «исторический процесс предстает как коммуникация между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т. п.; во всех этих случаях важно, как осмысляются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания» [Успенский 2002, с. 12]. Я полагаю, что коммуникация между литературным текстом и бытовым поведением происходила повсеместно, в любых социальных стратах, с большей или меньшей интенсивностью, в зависимости от образовательного уровня, круга чтения. В границах данной статьи нас будет интересовать сословие Российской империи, мещанство, чей коллективный сословный текст поведения был на протяжении XIX века значительно удален от литературных образцов в силу уровня образованности горожан. Это дало основание условно обозначить данное сословие «внетекстовым» и прийти к выводам о том, как организовывался язык самого мещанского общества городов. «То, что значимо с точки зрения данной эпохи и данного культурного ареала, может вообще не иметь значения в системе представлений иного культурно-исторического ареала, – и наоборот», – писал Б.А. Успенский [Успенский 2002, с. 14]. Следовательно, интерес-

но проследить методом исключения за системой ценностей самого большого городского сословия: какие тексты «высокой культуры» доходили до его среды, представляя определенное значение, и формировали повседневные тексты поведения, к каким знакам культуры данное сословие в массе своей оставалось безучастным, что и позволяло выдвинуть им обвинение в «мещанской позиции». Равнодушие к определенным знакам русской культуры – это тоже объект исторической реконструкции. Сразу же следует оговориться, что те показатели, которые были бы при таких задачах наиболее информативны: уровень образования, круг чтения, фольклор, аутентичные мещанские авторы литературных произведений, – исключаются. По той простой причине, что автор располагает обширным массивом делопроизводительной документации, той ее части, которую можно было бы определить как «письма во власть» простых представителей мещанского сословия по разным поводам их повседневной жизни. Таким образом, используя схему, предложенную Ю.М. Лотманом и всей семиотической школой, о том, что текст формирует поведение, я прослежу реакцию на текст русской культуры XIX столетия той части эпистолярной культуры мещан русских городов, которая очерчивается письмами во власть. Считаю возможным подобный подход к историческому исследованию, солидаризируюсь с мнением, высказанным И.Н. Данилевским в статье «Исторические реконструкции: Методологические ограничения» в отношении того, что «единственная реальность, с которой историк имеет дело непосредственно, – исторические источники, тексты... То, что происходило на самом деле, неизбежно отличается (порой радикально) от того, что и как отображается в историческом источнике» [Данилевский 2012, с. 4]. Таким образом, семиотический анализ эпистолярной реакции мещан на тексты русской культуры представляет собой часть реконструкции исторической картины прошлого, связанного с картиной мира бытовым поведением русского мещанства.

Мещанин и его сословные тексты

Уровень образования в среде мещан в Российской империи – ускользающая тема. Те немногие исследователи, которые занимались мещанским

сословием, не уделяли специально внимания вопросам образования горожан. В границах диссертационного исследования, посвященного мещанам территории войска Донского, И.Н. Смирнов отмечает, что «Показатели грамотности также различались в зависимости от того, где проживали мещане В крупных городах Области войска Донского – Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге – показатели грамотности мещан были самыми высокими Это было связано с активностью местных мещанских организаций, прилагавших максимум усилий для образования членов сословия В малых городах Области, таких как посад Азова, Ейское укрепление, а также в сельской местности общее число грамотных среди мещан было наименьшим. Здесь их доля составляла десятую часть от числа всех мужчин, тогда как в крупных городах Области она достигала 40 %» (Смирнов 2007, с. 25–26). Л.А. Одинцова, исследуя мещан Нижнего Поволжья, также в своем исследовании отмечала: «В городах Нижнего Поволжья постепенно увеличивалось число учебных заведений. Возросло число грамотных среди мещан, некоторые продолжали образование в средних специальных и высших учебных заведениях. Повышение общего уровня образования мещан обязательно имело следствием и повышение их культурного уровня. Живя в городах, мещане были ближе к газетам, музеям, выставкам, просветительским обществам» (Одинцова 2011, с. 19–20). В фундаментальном труде Л.В. Кошман находим итоговое утверждение о том, что «общеобразовательный и профессиональный уровень этого городского слоя был важной основой модернизации общества. Однако в силу объективных факторов исторического развития России, причин, среди которых не последней была политика правительства по отношению к мещанству, это сословие не стало базой для становления среднего класса, что не могло не отразиться на судьбах демократии в России того времени» [Кошман 2008, с. 429]. Б.Н. Миронов, в своем труде по социальной истории России, рассуждая о менталитете городских низов, отмечает, что «грамотность населения в больших городах, куда направлялся основной поток мигрантов, росла медленнее, чем в малых городах и в деревне» [Миронов 2003, с. 342]. Исходя из тезиса об окрестьянивании больших городов, Б.Н. Миронов делает вывод о низком уровне образования в них городских низов. Л.В. Кошман также пишет об отсутствии в России широкого среднего культурного слоя, сосредоточенного в городе [Кошман 2018, с. 81]. В качестве основного городского образовательного учреждения автор называет начальную школу, включавшую в себя: училища Министерства народного просвещения (так называемые министерские школы), церковно-приходские, земские, ведомственные училища, школы грамотности, существовавшие еще в далекое дореформенное время, школы для инородцев [Кошман

2018, с. 84]. Обращает на себя внимание и распространение публичных библиотек в жизни города, что являлось свидетельством роста грамотности и образованности в стране [Кошман 2018, с. 92]. Еще одним каналом распространения книг среди городского населения являлись открывавшиеся книжные лавки. К началу XIX века книжные лавки имелись в 17 провинциальных городах, в столицах – около 40 [Кошман 2018, с. 95]. Репертуар книг, как отмечает Л.В. Кошман, был достаточно разнообразен. Но больше всего просили присылать в книжные лавки учебники, книги для народной школы, сочинения по философии, античной истории, физиологии, анатомии, гигиене, а среди художественной литературы – Лермонтова, Гоголя, Добролюбова, Тургенева, Достоевского [Кошман 2018, с. 95, 96]. В своих знаменитых «Этюдах о русской читающей публике» Н.А. Рубакин замечал, что грамотность вызывает стремление к книге, спрос на книги идет быстрее развития грамотности» [Рубакин 1895]. Как правило, в современных исследованиях, посвященных уровню образования в среде горожан, показатели даются в целом по городу, а не по сословиям, проживавшим в городе. К примеру, в знаменитом исследовании «Очерки русской культуры» дается статистика, иллюстрирующая тот факт, что если в 1900 г. грамотность по России в целом составляла 30 процентов, в городах – 60,1 процента. К 1917 году происходил рост показателей [Очерки русской культуры... 2011, с. 31]. Г.Н. Ульянова, исследуя досуг и развлечения горожан рубежа XIX–XX вв., также отмечает, что возрастает уровень грамотности демократических городских слоев, трансформируются культурные и литературные запросы и интересы горожан, период начала XX века становится временем «массификации культурных процессов» [Очерки русской культуры... 2011, с. 456]. В первой половине XIX века городские сословия еще не отличались любовью к просвещению. А.И. Куприянов, анализируя культуру города первой половины XIX века, приводит мнение одного из авторов того времени В. Флорикса, который с горечью отмечал, что «Каждый мещанин скорее согласится отдать сына своего в самую трудную работу, нежели в школу, отговариваясь тем, что его дед и отец не учились, так и внукам не к чему забивать голову бестолковщиною» [Куприянов 2007, с. 41]. А.И. Куприянов объясняет этот факт тем, что в первой половине XIX века горожане в русских городах жил в доиндустриальном обществе, в котором еще только формировалась потребность во всеобщем начальном образовании [Куприянов 2007, с. 57]. А анализируя состав читателей городских библиотек в границах изучаемого периода, ученый приходит к выводу, что это были в основном лица, занятые на государственной службе, и демократические слои населения [Куприянов 2007, с. 101]. Еще один уровень сложности в изучении проблемы именно мещанского сословного

образования и круга чтения на протяжении XIX – начала XX вв. представляет специфика сословной парадигмы в России, размытости границ, пористости сословных рамок и т. д. От сословия, его правовых границ и законом определенных обязанностей в Российской империи можно было «сбежать». И это бегство было возможно не столько в силу четко очерченного пути – через образование и профессионализацию, попав в категорию разночинцев, сколько в силу чрезвычайной запутанности сословной парадигмы, о чем пишут и Грегори Фриз, и Элис К. Виртшафтер, и другие авторы [Фриз 2000, с. 135; Виртшафтер 2002]. Поэтому представляется чрезвычайно сложным в составе русского города определить картину мира именно мещанского сословия, без так называемых инородных элементов, крестьян, разночинцев, проживающих в городе, адвокатов, писателей, артистов и так далее. Таким образом, можно констатировать два момента. Первое – это то, что, безусловно, на протяжении XIX века и к концу так называемого имперского периода, уровень образования, общности к чтению представителей самого большого городского сословия возрастал. Даже изменявшаяся сама инфраструктура города, захваченного модернизационными процессами в пореформенный период, приводила к просвещению низшей и бедной городской среды. Второе – это затруднения, вызванные социальной многоликостью города, где все труднее найти те каналы, в которых бы проявлялась именно картина мира мещанского сословия. Но все эти так называемые каналы могут быть «пойманы в исследовательские сети» спецификой источников. А основным источником, сгруппированным именно по сословному принципу, выступает делопроизводственная документация, сосредоточенная в фондах мещанских управ и городских дум городов Российской империи.

Мещанская управа вводится в качестве сословного органа власти после реформы 1870 г., данный фонд включает в себя дела предшествующего периода, связанные с компетенцией мещанского старосты и собраниями мещанского общества города (ЦГАСО). За традиционной номенклатурой дел скрываются удивительные истории – анекдоты из повседневности мещан-обывателей. Все они так или иначе связаны с такими «болевыми точками» в жизни мещан, как собственность, статус, паспорт, налоги, рекрутство, семья, любовь. Фонд Мещанской управы г. Самары состоит из 448 единиц хранения (одна опись), включающих в себя традиционную номенклатуру дел с 1848 по 1916 год. Фонд включает в себя указы Самарской городской думы, предписания, уведомления Самарской городской управы и Казенной палаты, наряды приговоров, постановлений, уведомлений и отношений Самарской мещанской управы, книги на запись приговоров мещанского общества, окладные, кассовые и памятные книги, учетные тетради по сбору податей и повинностей с мещан, алфавиты, по-

семейные списки, паспорта и ревизские сказки. В фондах мещанских управ и мещанских старост сосредоточено значительное количество письменных обращений населения к представителям власти, в основном к мещанским старостам (председателям мещанских управ) и к городским головам, то есть к тем «близким» и «своим» представителям власти, через которых осуществлялись многочисленные городские интеракции. Как правило, это прошения, жалобы, заявления, ходатайства и прочие виды обращений во власть, которые мещане, зачастую, именовали в произвольной форме. Подобные документы представляют важное значение для исследования повседневной жизни сословия, так как представляют собой и практику обращения к власти как модель политической активности, и «дискурсивный аспект репрезентации, т. е. текстовое конструирование отношений, аргументов, легитимности, условий и – ultima ratio (последний довод) – угроз» [Шперлин 2004, с. 154].

Первое, на что обращаешь внимание при анализе мещанских писем во власть, – это попытка соблюдать определенные «изысканные» формулы вежливости. Несмотря на известную цитату А.С. Пушкина о том, что «мы всякий день подписываемся покорнейшими слугами, и, кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры» (Пушкин 1999, с. 122), в мещанских текстах иные коннотации. Как правило, от тех представителей власти, к которым писалась жалоба или заявление (называться этот документ мог по-разному), зависело очень много в жизни просителя: возможность поехать торговать в другой город, получив паспорт, то есть заработать на жизнь. Или решить вопрос с рекрутом. Или усыновить ребенка. Или жене получить возможность устроиться на работу, получив для этого в обход мужа паспорт, то есть здесь, безусловно, отражена небогато нюансированная тончайшая этикетная рефлексия высшего сословия. Но умалять знания о культуре эпистолярной вежливости у представителей городских низов тоже не представляется возможным. Вот примеры некоторых таких писем. Выборку можно делать, потому что это достаточно широкий пласт подобных писем во власть. «Милостивый Государь Никанор Семенович (Минаев) / Первым долгом поздравляю Вас с торжественным праздником – рождеством христовым – желаю в оный насладиться всех благ. А потом надеясь на ваше ко мне дружеское расположение, которое вы всегда оказывали... и я в настоящее время решился прибегнуть к вам с моей покорнейшей просьбою – просьба моя состоит в трех предметах...» (ЦГАСО. Д. 26. Л. 1033); «Милостивый государь Лев Алексеевич! Решился особу Вашу беспокоить, потому что не имея в Самаре родственников и знакомых, сделайте милость не оставить меня своим покровительством, примите на себя труд приказать мне написать и выслать паспорт...» (ЦГАСО. Л. 1033); «от Платона Яковлева Пермякова / Ми-

лостивый Государь / Господин Градской Голова / По имени вас Милостивый Государь и отечеству не знаю/ осмеливаюсь Ваше Степенство беспокоить и просить, т. к. я, самарский мещанин...» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 1042); «Так как я, зная ваше доброе сердце и Душу, то осмелился прибегнуть к стопам Вашим с своей нижайшей просьбой и утруждать вас моим искренним прошением как я известный вам по обществу вашему мещанин Федор Сухов...» (ЦГАСО. Д. 26. Л. 1052 (об.)). Как отмечал Ю.М. Лотман, «бюрократическое государство создало огромную лестницу человеческих отношений... Право на уважение распределялось по чинам. В реальном быту это наиболее ярко проявилось в установленных формах обращения к особам разных чинов в соответствии с их классом... Чин пишущего и того, к кому он обращается, определял ритуал и форму письма» [Лотман 2020, с. 29–31]. Некоторые должности органов мещанского самоуправления, а во многих провинциальных городах и городского управления, долгое время считались общественными и не оплачивались. Им могли отпускатся небольшие суммы на жалование по приговору общества. Так, например, в 1861 г. должность помощника податного старосты по условию, заключенному в «мещанской конторе», должна была предполагать оплату 52 рубля серебром в год (ЦГАСО. Д. 43. Л. 898). Можно предположить, что чиновный мир для мещан города не был однородным и делился на «своих» и «чужих». «Иррациональные страхи, связанные с “чужими”, всегда были присущи горожанам... в традиционном обществе. ... “Чужими” в провинциальном русском городе... почти весь XIX век были люди, принадлежавшие к дворянской культуре» [Куприянов 2007, с. 398]. Разницу между «своим» и «чужим» чиновничеством А.И. Куприянов весьма точно характеризует, строя оппозицию: коронная служба – общественная служба. «Социальная идентичность этого “нового гражданства”, – пишет автор, – выстраивалась первоначально на обособлении горожан от дворян и чиновников. В дальнейшем – на представлениях о необходимости отмены сословных привилегий и уничтожении чиновничества как касты. Так, служащий в Красноярском самоуправлении И.Ф. Парфентьев в 1862 г. на предложение перейти в штат губернатора Восточной Сибири Муравьева заявил: “Я родился служилым и умру таким же... Да и пресса убеждает, что мы все скоро будем гражданами. Чиновничества не будет”. Для Парфентьева, отец которого, мещанин, постоянно занимал выборные должности в самоуправлении, в том числе городского судьи, “служилый” – это не человек, состоящий на коронной службе, а человек, служащий обществу» [Куприянов 2007, с. 404–405]. В таком значении обращения к людям, занимающим общественные должности, со стороны однообщественников приобретают совершенно иную коннотацию, связанную не с чиновничеством или раболепием, а с уважением.

Титул «Ваше степенство» получал в мещанских письмах и такой персонаж «паспортной повседневности», как податный староста, фигура также весьма значительная в мещанской жизни, в том числе связанной с паспортом, который выдавался при условии отсутствия недоимок. Самарский мещанин Николай Любимов, посылая за себя подати за 1860 г., писал: «Вашему степенству Старосте податей... пришлите мне полугодичный паспорт в г. Оренбург в дом госпожи Г... (неразборчиво. – З. К.) постояльцу рещику... прошу вас покорнейше не задержите высылкою паспорта» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 898).

Ю.М. Лотман, анализируя тексты поведения русского дворянства рубежа XVIII–XIX вв., отмечает их двойственность: «...в сфере идей и “идеологической речи” усвоены были нормы европейской культуры», но сфера практического поведения выпадала из области идеологического осмысления. «Выделялся низший – чисто практический – пласт, который с позиций теоретического сознания “как бы не существовал”» [Лотман 2020, с. 502]. Мещанство со своей картиной мира, отраженной в таких повседневных и бесхитростных письменных обращениях во власть, представляет собой такой «практический пласт» культуры, который несет в себе следы и высокой культуры, доходящий, безусловно, и до низших городских слоев. И следы народной бытовой традиции. Там сочетаются и переплетаются и некая социальная гордость, или пафос горожанина, и приниженность и сервильный комплекс маленького человека перед начальником любого уровня. Мещанин поздравляет начальника, которому пишет с праздниками, что придает его обращению в некотором смысле личный характер, сокращает дистанцию: «Милостивый государь Василий Ефимович! Имею честь поздравить Вас с новым годом и новым счастьем. Желаю Вам ровно начальству Вашему от бога доброго здравия в делах ваших счастливого успеха» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 729–730). Помимо поздравлений с праздником, мещанин пытается выстроить с начальством некие дружеские взаимосвязи, нащупать знакомых, родственников: «Великопочтеннейший Филипп Платонович, / осмеливаюсь вас беспокоить своей просьбой с согласия вашего и личной просьбой и надеясь на вашу добрую душу, что вы не откажете мне. Потрудитесь внести деньги в число податей... За сим... засвидетельствовать мое нижайшее почтение Николаю Филипповичу и всему вашему семейству, причем скажу вам случай после того, когда мы с вами виделись в ваксале на Николаевской железной дороге, я, шедши в квартиру к себе, встретил супругу Михаила Ивановича Орлова, / Назвал ее по имени, а она мне удивляется, почему бы ее знаю, я сказал ей, кто я и что вы имели до М.Н. надобность, пожелали его видеть... после этого случая показала, квартиру свою где найти...» (ЦГАСО. Д. 43. Л. 809). Как мы видим, многое роднит стиль письма мещанина во власть с жанром «мещанского романа» («же-

стокого романса»), в котором мелодраматическое чувство создает несколько экзальтированный балладный стиль повествования. Падать в обмороки и заливаться слезами, кстати, было приуще дворянским девушкам эпохи романтизма как элемент высокой культуры [Лотман 2020, с. 124]. Город, таким образом, с его мещанским дискурсом находился на середине между миром высокой культуры и миром народной, традиционной культуры. Исследование русского города, картины мира горожан натывается на недостаточную источниковую базу, в которой бы отразилась культура речи основного городского сословия. Письма мещан во власть не в каждом городе имеют такой ярко выраженный личный характер, как это проявилось в Самаре. Вчерашний уездный город, город «внутренней окраины империи», Самара, по всей видимости, представляла собой ту пошехонскую естественность в диалоге человека с властью, которая может возникнуть лишь на краю властной ойкумены. Поэтому изучение провинциальных делопроизводственных массовых источников, связанных с мещанским сословием, заключает в себе большие перспективы для исследования урбанистических сторон русской истории. Да, русский город утопал в аграрной округе. Но он остро ощущал себя городом. Формировалась картина мира, менталитет горожанина, носителя культуры «городского гражданства».

Заключение

Язык мещанских обращений во власть позволяет рассматривать мещанский социум как коллективную личность. Он организует информацию определенным образом, выделяет иерархию символических жестов, которая является отражением картины мира. Изучение картины мира «маленького человека» большой империи представляется крайне актуальной и важной. Однажды на исторической конференции коллега мне заметил, что изучение «маленького человека» так уже всем надоело, «как вилкой по стеклу». Но вот ситуация кризисная обнаруживается в современности, требует сплочения народа. А мы не знаем, как поведет себя народ. Не представляем эту картину мира снизу. Поэтому источники, которые позволяли бы изучать низовую городскую культуру, их исторический анализ и синтез представляются актуальными и важными наряду с теми глобальными проблемами, которые изучает так называемая «большая история», сверху. Диалог возможен только в том случае, если понимаешь друг друга, то есть знаешь язык. «Язык», или семиосфера самого большого сословия русских городов, мещанства, до сих пор остается мало изученной исследователями и требует серьезного внимания научного сообщества.

Материалы исследования

Пушкин 1999 – *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. Санкт-Петербург, 1999. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/>; <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-075.htm>.

Одинцова 2011 – *Одинцова Л.А.* Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Астрах. гос. ун-т. Астрахань, 2011.

Смирнов 2007 – *Смирнов И.Н.* Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Юж. федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2007.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.* Ф. 217. Оп. 1.

Библиографический список

Виртшафтер 2002 – *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Рос. империи; пер. с англ. Т.П. Вечериной; под ред. А.Б. Каменского. Москва: Логос, 2002. 272 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29390247>. EDN: <https://elibrary.ru/ytduzd>.

Данилевский 2012 – *Данилевский И.Н.* Исторические реконструкции: методологические ограничения // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций: сб. ст. под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Москва, 2012. С. 3–24.

Кошман 2018 – *Кошман Л.В.* Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты. Москва, 2018. 192 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/118621012>.

Кошман 2008 – *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия социальные и культурные аспекты. Москва, 2008. 448 с. URL: <https://libr.link/nachale-rossii-istoriya/gorod-gorodskaya-jizn-rossii-xix-stoletiya.html>.

Куприянов 2007 – *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века; Рос. акад. наук, ин-т российской истории. Москва: Новый Хронограф, 2007. 480 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19708918>. EDN: <https://elibrary.ru/qphobb>.

Лотман 2020 – *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург, 2020. 558 p. URL: https://imwerden.de/pdf/lotman_besedy_o_russkoj_kulture_1994__ocr.pdf.

Миронов 2003 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократ. семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр., доп. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. URL: [https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii\(XVIII-nachaloXXv\).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf](https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii(XVIII-nachaloXXv).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf).

Очерки русской культуры 2011 – *Очерки русской культуры: конец XIX – начало XX века.* Т. 1. Общественно-культурная среда. Москва: Издательство Московского университета. 2011. 384 п. URL: <http://www.bookre.org/reader?file=719101>.

Рубакин 1895 – *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. Москва, 1895. С. 35–104. URL: https://fictionbook.ru/author/litagent_rshba/rubakin_nikolayi_aleksandrovich_hrestomatiya/read_online.html?page=2.

Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. Санкт-Петербург, 2002. 474 с.

Фриз 2000 – *Фриз Г.Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000. URL: <http://rushist.samsu.ru/rusistika2/freeze.doc>.

Шперлин 2004 – *Шперлин В.* Торговаться с властью: прошения и жалобы как форма политической коммуникации в пореформенной России // Новая политическая история. Санкт-Петербург, 2004. С. 152–168.

References

Wirtschaftler 2002 – *Wirtschaftler E.K.* (2002) Structures of Society; translation from English by Vecherina T.P.; Kamensky A.B. (Ed.). Moscow: Logos, 272 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29390247>. EDN: <https://elibrary.ru/ytduzd>.

Danilevskiy 2012 – *Danilevskiy I.N.* (2012) Historical reconstructions: methodological restrictions. In: *Togoeva O.I., Danilevskiy I.N. (Eds.) From text to reality: (Im)possibilities of historical reconstructions: collection of articles.* Moscow, pp. 3–24. (In Russ.)

Koshman 2018 – *Koshman L.V.* (2018) City in post-reform Russia. Socio-cultural and legal aspects. Moscow, 192 p. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/book/118621012>. (In Russ.)

Koshman 2008 – *Koshman L.V.* (2008) City and urban life in Russia of the XIX century: social and cultural aspects. Moscow, 448 p. Available at: <https://libr.link/nachale-rossii-istoriya/gorod-gorodskaya-jizn-rossii-xix-stoletiya.html>. (In Russ.)

Kupriyanov 2007 – *Kupriyanov A.I.* (2007) Urban culture of the Russian province. Late XVIII – first half of the XIX century. Moscow: Novyi Khronograf, 480 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19708918>. EDN: <https://elibrary.ru/qphobb>. (In Russ.)

Lotman 2020 – *Lotman Yu.M.* (2020) Conversations about Russian culture: Life and traditions of Russian nobility (XVIII – early XIX century). Saint Petersburg, 558 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/lotman_besedy_o_russkoj_kulture_1994__ocr.pdf. (In Russ.)

Mironov 2003 – *Mironov B.N.* (2003) Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century): the genesis of personality, democratic families, civil society and the rule of law: in 2 vols. 3rd edition, revised, enlarged. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, vol. 1. Available at: [https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii\(XVIII-nachaloXXv\).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf](https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/BorisNikolaevichMironov_SocialnayaistoriyaRossiiperiodaimperii(XVIII-nachaloXXv).Tom1_RuLit_Me_415023.pdf). (In Russ.)

Essays on Russian culture 2011 – *Essays on Russian culture* in the late XIX – early XX century. Vol. 1. Social and cultural environment. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 384 p. Available at: <http://www.bookre.org/reader?file=719101>. (In Russ.)

Rubakin 1895 – *Rubakin N.A.* (1895) Sketches about the Russian reading public. Moscow, pp. 35–104. Available at: https://fictionbook.ru/author/litagent_rshba/rubakin_nikolayi_aleksandrovich_hrestomatiya/read_online.html?page=2. (In Russ.)

Uspensky 2002 – *Uspensky B.A.* (2002) Sketches about Russian history. Saint Petersburg, 474 p. (In Russ.)

Freeze 2000 – *Freeze G.L.* (2000) Estate paradigm and social history of Russia. In: American Russian studies: milestones of historiography in recent years. Imperial period: anthology. Samara. Available at: <http://rushist.samsu.ru/rusistika2/freeze.doc>. (In Russ.)

Shperlin 2004 – *Shperlin V.* (2004) Bargaining with the authorities: petitions and complaints as a form of political communication in post-reform Russia. In: *New political history.* Saint Petersburg, pp. 152–168.